

ГЕНРИ ДЭВИД
ТОРО

УОЛДЕН,
или ЖИЗНЬ
В ЛЕСУ

Travel story. Рискаю жизнью

Генри Торо

Уолден, или Жизнь в лесу

«ЭКСМО»

1854

Торо Г. Д.

Уолден, или Жизнь в лесу / Г. Д. Торо — «Эксмо»,
1854 — (Travel story. Рискаю жизнью)

ISBN 978-5-04-197070-3

«Уолден, или Жизнь в лесу» — пожалуй, самая популярная книга американского автора Генри Дэвида Торо, впервые опубликованная в 1854 году и ставшая классикой в истории мировой литературы. В этой книге Генри Торо подробно описывает свой опыт проживания в одиночестве на берегу Уолденского пруда среди леса, куда он уехал на несколько лет — в 27 лет писатель принял решение бросить вызов обществу, увлеченному материальными благами на заре эпохи потребления, и уйти вдаль от людей. Своим экспериментом он стремился доказать современникам, что быть счастливым можно и вне людей, удовлетворяя все потребности собственным трудом. Он построил хижину в лесах Массачусетса и провел там два года, два месяца и два дня, полностью отказавшись от достижений цивилизации.

Автобиографическая книга Генри Торо, в которой он рассказывает об этом эксперименте, по сей день оказывает влияние на самые разные современные течения молодежи и дает взглянуть на мир глазами независимого человека. Благодаря этой истории вы сможете не только примерить на себя уникальный опыт жизни в отшельничестве, прочувствовав столь близкий многим в наши дни дух минимализма и аскетизма, но и научитесь слышать самого себя, понимать, что для вас действительно важно в жизни, и сосредоточиться в дальнейшем именно на этом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-04-197070-3

© Торо Г. Д., 1854

© Эксмо, 1854

Содержание

Предисловие	7
Хозяйство	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генри Дэвид Торо

Уолден, или Жизнь в лесу

*Намерение мое – отнюдь не написать оду хандре,
а побахвалиться так же охотно,
как вскакивающий утром на насест петух,
хотя бы для того,
чтобы пробудить соседей.*

Henry David Thoreau
Walden, or Life in the Woods

* * *

© Крузе М., перевод на русский язык, 2023
© Шигапов А., литературный редактор, 2023
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Предисловие

Спустя полтора века после первой публикации книга «Уолден» стала настоящим символом природозащитного, антирыночного и антигосударственного мировоззрения, под девизом «Назад, к природе». А сам Генри Торо такой пылкий оппозиционер, образцовый сумасброд и святой отшельник, что его творение рискует превратиться в Библию – столь же почитаемую всеми, сколь и не читаемую. Лучшие образцы американской классической литературы, в изобилии появившейся в середине девятнадцатого века – «Алая буква» Готорна (1850 г.), «Моби Дик» Мелвилла (1851 г.) и «Листья травы» Уитмана (1855 г.), – стали наиважнейшим «удобрением почвы» к современному американскому самосознанию. К ним можно добавить потрясший всю страну бестселлер «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852 г.) и множество эссе Эмерсона. «Уолден» в этом смысле внес наибольший вклад. В нашу эпоху информационного стресса, оглушающей пустоты и заполонивших все электронных игр, среди удрученных, во всем сомневающих, лишенных работы людей, до сих пор сохраняется мечта: построить домик в лесу, и тем самым преобразовать, упростить и очистить свою жизнь. Говоря звучными словами Торо, «бороться только с существенными жизненными обстоятельствами». Благодаря этому и процветает так называемая индустрия отдыха. Растут продажи автодомов, а выходные люди проводят в загородных домах, построенных в северных лесах или западных горах, где почти нет промышленности и торговли. «Упрощай, упрощай», – советует «Уолден», и мы пытаемся, пытаемся. Несмотря на то, что в двадцать первом веке стремление к деревенской природной простоте сопряжено с дороговизной и транспортными хлопотами.

Торо, несомненно, одобрил бы современные попытки осмыслить его взгляды и последовать примеру. «Уолден» нацелен на преобразование, а спорная цель писателя придает этой книге энергию и напор, как-то затерявшиеся в многословии второго сочинения, увидевшего свет при короткой жизни автора – «Неделя на реках Конкорд и Мерримак» (1849 г.).

Как и «Неделя», «Уолден» пестрит воспоминаниями. Он стал плодом постоянного переосмысливания и детализации семи известных черновики. Торо защищает свое странное затворничество, заявляя с самого начала о себе энергичным и шутивным тоном:

«Я бы не стал посвящать читателей во все подробности своей жизни, если бы не настойчивые расспросы земляков, интересующихся моим бытием. Кто-то счел бы их неуместными, но мне они таковыми не казались, а учитывая обстоятельства, они более чем естественны и актуальны».

Далее описаны обстоятельства, неудовлетворенность повседневностью и мелочными заботами, царившими в окружающем его обществе, а также главное желание – «жить осмысленно, бороться только с существенными жизненными обстоятельствами и осознавать, смог ли я усвоить жизненные уроки. Чтобы не обнаружить в смертный час, что и не жил вовсе». Впрочем, он невольно умалчивает о весьма практичном побуждающем мотиве: желании стать писателем. И, как у многих коллег, нужде в уединенности, тишине и «просторе», где мог бы бродить его разум.

Весной 1845 года Торо построил однокомнатный домик на землях своего наставника Эмерсона, более чем в миле к югу от городка Конкорд, и переехал в него 4 июля, провозгласив собственную независимость. В последующие два года он закончил набросок «Недели на реках Конкорд и Мерримак», позже дополненный. В основу лег сплав на каное, совершенный вместе с братом Джоном в 1838 году. Там же написаны первый черновик «Уолдена» и длинное эссе, посвященное Томасу Карлайлу, часть из которого прочитана как лекция в лицее Конкорда в 1846 г.

В июле того же года он отказался платить накопившийся долг по городскому подушному налогу на том основании, что правительство оправдывает и защищает рабство. В результате провел одну ночь в тюрьме, что стало основой знаменитого эссе «Гражданское неповиновение». Чуть позже он впервые поехал в штат Мэн и написал большую часть эссе «Ктаадн».

Торо было двадцать семь лет, когда он поселился в домике у Уолденского пруда. Будущий писатель окончил Гарвард девятнадцатым в рейтинге, пробовал преподавать, помогал своему отцу на семейной карандашной фабрике и подрабатывал у местных жителей за один доллар в день. Два года жил с Эмерсонами в качестве разнорабочего и садовника. Далее покинул Лонг-Айленд, где непродолжительное время давал уроки и изучал литературный рынок. Несмотря на поддержку Эмерсона, несколько стихотворений, опубликованных в ежеквартальном журнале трансценденталистов *The Dial*, не были замечены. По существу, знаменитым литератором Торо стал лишь после окончания лесной эпопеи 1847 года.

Его внешний вид резко выделялся, и не раз упоминался в мемуарах. Придирчивый, но миролюбиво настроенный Готорн, временами живший в Конкорде, в 1842 году описал Торо так: «Молодой человек, в котором все еще сохраняется слишком много дикой первозданной природы... Он страшен, как смертный грех, – длинноносый, с капризным ртом и с неотесанными, какими-то деревенскими, хотя и вежливыми, манерами... Кажется, что он ведет индейскую жизнь среди цивилизованных людей. Под „индейской жизнью“ я имею в виду отсутствие всяких систематических усилий в добывании средств на жизнь».

Джеймс Кендалл Хосмер вспоминал, как повзрослевший Торо «...стоял в дверях, а его волосы выглядели так, словно причесались сосновой шишкой. Рассеянный взгляд серых глаз, затуманенных глубокими раздумьями о чем-то далеком, выдающийся нос и растрепанная одежда со следами прогулок по лесам и болотам». Его ученик из Нью-Бедфорда, Дэниэль Рикетсон, по словам биографа Уолтера Хардинга, вспоминал «мягкость, доброту и ум синих глаз Торо» и отмечал, что «хотя его руки были длинными, ноги короткими, кисти и ступни крупными, а плечи заметно покатыми, во время ходьбы он отличался силой и энергичностью». Голос его гремел, даже к концу тирады, когда утихал из-за туберкулеза.

Последним путешествием писателя стала отчаянная поездка в Миннесоту, ради якобы целительных свойств ее сухого климата. Как вспоминал пастор унитарийской церкви Роберт Кольтер, к которому он заглянул в Чикаго, «слова его были столь же явственными и приятными для слуха, как голос великого певца... Он то и дело на мгновение останавливался, подбирая нужное слово. Или с душераздирающим терпением делал паузу, чтобы справиться с болью в груди. Но когда он заканчивал предложение, оно получалось идеальным и цельным, без изъяна, а слова – совершенными. Когда я время от времени читаю его книги, слышу не свой голос, а звучащий в тот день».

Как же Торо обрел свой литературный голос, куда благозвучнее современному уху, нежели напыщенное, суетное и витиеватое, как и положено бывшему священнослужителю, ораторство Эмерсона? Безграничный простор выразительных и нравоучительных предложений Эмерсона, скорее, утомляет нынешних читателей. Мы словно видим сидящих перед ним слушателей, наслаждающихся эпиграммами и благословениями. Атмосфера Торо более замкнута. Его взор обращен не на аудиторию, а на обширный мир ощущений, увиденных и названных с потрясающей точностью. Возьмем эти фразы, почти из начала «Недели»:

«Мы бесшумно скользили вниз по течению, иногда вспугивая шуренка из его убежища в кувшинках или леща из стайки. Порой медленно и тяжело поднималась маленькая выпь, чтобы ускользнуть от нас, или выпь побольше взлетала из высокой травы при нашем приближении, унося подальше свои длинные ноги, чтобы встать на них в безопасном месте. Черепахи тоже быстро ныряли в воду, когда лодка поднимала рябь на поверхности среди ив, разбивая отражения деревьев. Берега уже не блистали красотой, и еще недавно яркие

цветы своими поблекшими красками показывали, что год клонится к закату. Но эти унылые оттенки придавали натуральность, и в остатках жары берега казались мшистыми стенами колодца с прохладной водой».

Все это – текучее созерцание, скользящее от одной выпки к другой, вплоть до парадоксального вывода, что увядающие краски усиливают «натуральность» цветов, словно они выражают какую-то идею. Длинный абзац продолжает список латинских названий цветов на лугах Конкорда, а заканчивается наблюдением автора, как при первых лучах утренней зари на воде внезапно открываются белые кувшинки. «Когда я проплывал мимо, целые поля белых бутонов молниеносной вспышкой открывались передо мной, словно развертывая знамя». Это не совсем «записки натуралиста», как у Гумбольдта или Одюбона, хотя слова и передают свежесть континента, все еще изучаемого и описываемого. Но это и жизнь, детальная манифестация обнадеживающей философии Эмерсона, изложенной теологическим стилем в его дебютной книге «Природа». Где «каждое природное явление – символ некоего духовного», где Природа лежит в основе Души, где «Душа меняется, формируется, преуспеваает». Эмерсон одобритительно цитирует ученого-естествоиспытателя Сведенборга: «Видимый мир и взаимодействие его частей есть циферблат мира невидимого», и утверждает: «Аксиомы физики передают законы этики». Торо, впитавший идеализм Эмерсона, погрузился в великую метафору Природы и тоже превратился в подобие ученого. Как он позже назвал себя, «мистиком, трансценденталистом и вдобавок естествоиспытателем» – и автобиографом. В итоге автор собрал и передал в журналы два миллиона слов: редкие моменты и наблюдения, все более точные и утонченные, собранные отовсюду. Эмерсон, как и другие уважаемые жители Конкорда, скептически относился к столь личным и чудачковатым проявлениям, рассказав своему дневнику, что «Торо не хватает немного честолюбия... Вместо того чтобы возглавить американских инженеров, он стал распорядителем на вечеринке еловых шишек». Тяга Торо к фигуральному «сбору шишек» бросала его в дали. Он бродил по побережью Кейп-Кода, где разбиваются волны, и поднимался на скалистую вершину горы Ктаадн в Мэне. Но все равно возвращался в глушь маленького Конкорда – микрокосма, ставшего для него космосом.

В своей работе «Американский Ренессанс» Ф. О. Маттиссен подчеркивает, сколь многим великие писатели этого периода обязаны английским литераторам семнадцатого века – Донну и Герберту, Марвеллу и Брауну, с их верой в согласованность между малым и большим, собственным внутренним миром и внешним миром Природы. «Сердце человека, – писал Донн, – великая книга творений Бога в миниатюре, и человеку незачем искать более». Джордж Герберт выразился так: «Человек – целый мир, и у него имеется еще один, вспомогательный», – таким образом включая Природу в духовные сферы божественной заботы. Во многом благодаря сходству, метафизическая поэзия семнадцатого века разожгла в духовных потомках пуритан пламя интроспективно заряженных частиц.

«Уолден» живет в своих частностях. Длинная вступительная глава «Хозяйство» – веселое и подробное описание строительства дома – «прочный, крытый гонтом и оштукатуренный, десять футов в ширину и пятнадцать футов в длину. Со стойками высотой восемь футов, с чердаком и чуланом; с каждой стороны – по большому окну с опускающимися шторами, одна дверь в торце, а напротив нее – кирпичный камин», дополненное списком расходов – всего 28 долларов 11,5 цента. Коротко представив миру программу самообеспечения и жизни без излишеств, он перечисляет немногочисленные покупные продукты и блага, полученные с бобовых плантаций длиной в семь миль. Рассказывает, как приготовить пресный ржаной хлеб и индейскую пищу, а также «вкусную патоку из тыквы или свеклы». Во время другого эксперимента автор ест лесного сурка, «несмотря на его мускусный запах», хотя и сомневается, что тот стал бы подходящим товаром в мясной лавке. Он делится с подробностями ведения хозяйства:

«Работу по дому я считал приятным времяпрепровождением. Когда пол загрязнялся, вставал пораньше и выставлял мебель прямо на траву, включая кровать с постельным бельем.

Лил на пол воду и посыпал его белым песком из пруда, а потом скреб щеткой, пока он не становился чистым и белым...»

Затем – и это прием его чуткой, насмешливой одаренности – он созерцает временно вынесенную мебель и подмечает интересную странность:

«Приятно было посмотреть на пожитки, сложенные небольшой грудой на траве и похожие на цыганский тюк. А трехногий стол, с которого не убирались книги, перо и чернильница, стоял среди сосен и орешника... Стоило увидеть солнечные лучи на этих вещах и услышать, как по ним гуляет ветер. Самые привычные вещи выглядят намного интересней на природе, чем дома».

Торо не был обременен обязанностями, а потому времени хватало посмотреть на многое: как кормят птенцов синицы, как ручейки талой воды струятся вдоль железной дороги, «напоминая, если смотреть сверху, резные, рассеченные на доли, черепицеобразные слоевища некоторых лишайников». Одновременно он ликовал, «подбадриваемый музыкой тысяч звенящих ручейков и речушек, чьи вены наполнены кровью унесенной зимы». А в другие моменты он прислушивался к «слабому тонкому пisku» птенца вальдшнепа, ведомого матерью по болоту. В «Звуках», самой виртуозной главе «Уолдена», отшельник слышит не только крики и шорохи многочисленных живых существ, но и, с удивительным одобрением, гудки и грохот поезда, едущего в полукилометре от домика по Фитчбургской железной дороге, вдоль края Уолденского пруда:

«Торговля, вопреки ожиданиям, уверенна и лишена суеты, проворна, предприимчива и неутомима. Вдобавок ее приемы гораздо естественнее многих утопичных начинаний и сентиментальных экспериментов... Я чувствую свежесть и простор, когда мимо с грохотом проезжает товарный поезд, и запах товаров, источающих ароматы весь путь от бостонского Лонг-Уорфа до озера Шамплейн».

Как видно, его восхищение Природой не избирательно; оно включает в себя и «железного коня», с шумом прокладывающего путь через леса и заслужившего несколько страниц хвалебной песни, завершающейся одним из его самых известных стихотворений. Оно начинается так: «Что для меня значит железная дорога? Я никогда не увижу, где она заканчивается».

В Конкорде 1840-х годов, по мнению Торо, люди «жили в тихом отчаянии», эксплуатируя себя так, что «не было времени на то, чтобы не быть просто машиной». В нашем же понимании это пасторальный мир, где паровой двигатель считается высшим техническим достижением, а главная работа – обычный фермерский труд. Именно у фермера, по словам автора, «бедная бессмертная душа, почти раздавленная и удушенная тяжким бременем. Ползущая по дороге жизни, волоча амбар размером семьдесят пять на сорок футов – авгиевы конюшни, которые никогда не будут вычищены». Именно фермера он встречает посреди ночи, когда тот гонит стадо, чтобы успеть на встречу рассвета в Бостоне. Ничем не обремененный отшельник в это время возвращается в уютный домик, чтобы лечь спать.

Писатель был отпрыском мелкого промышленника Джона Торо, производителя карандашей. Он окончил Гарвард, и на местной социальной лестнице числился кем-то вроде джентльмена, с соответствующей прерогативой – иметь не приносящие дохода хобби. Те, кому необходимо работать, слегка морщатся, читая, что «содержать себя на нашей земле – не тяжкий труд, а приятное времяпрепровождение, если мы будем жить просто и мудро», и что «работая около шести недель в году, я могу покрыть все расходы на жизнь». Ведь далеко не каждому предла-

гают бесплатно участок земли для эксперимента над собой и не многие могут рассчитывать на бесплатную помощь общества близлежащего городка. Торо же иронизирует над тем, что большинство людей вынуждены работать, и игнорирует волну изнуряющего труда на заводах, захлестнувшую Новую Англию. Во время недели, проведенной на реках Конкорд и Мерримак, он почти не замечает фабрик, сделавших эту реку первой индустриальной зоной Нового Света. Жестокую фабричную эксплуатацию Мелвилл в свое время попытался подчеркнуть в рассказе «Таргар служанок».

Протест Торо нацелен все же на конечный продукт промышленности – потребительство, заставляющее нас покупать ее продукцию. Он предложил обходиться малым: «Богатство человека соразмерно количеству вещей, от которых он отказался». Сюда входит и отказ от секса – «Детородная энергия расслабляет нас и делает нечистыми в минуты распутства, но воодушевляет и вдохновляет, когда мы добродетельны». К этому, как распознал Готорн, присовокупляется отказ от большинства взаимоотношений, формирующих цивилизацию. В итоге – возврат к «индейской жизни» и более того – к той степени личной независимости, которое не потеряло бы ни одно человеческое общество, включая племенное. Уединение в домике и краях, возвышенных его главным трудом, роскошны, но финансировались прибылью, созданной сложным рабовладельческим обществом. Даже такой непоколебимый последователь Торо, как Э. Б. Уайт, признал в статье, посвященной столетию мыслителя, что «усердному экономисту придется нелегко, если он надеется найти в книге четкую систему экономической мысли», и что Торо иногда писал так, словно «все его читатели были неженатыми мужчинами со связями». Ведь собственный переезд Уайта на побережье штата Мэн тоже стал возможен благодаря рекламным доходам нью-йоркского журнала.

Но хотя «Уолден» нельзя считать панацеей, его можно смаковать как приправу – душистую, помогающую обрести ясность мысли. Уайт, вспоминая свое воодушевление книгой в юности, рассматривал «Уолден» как «приглашение на танец жизни, убеждающее озабоченного читателя, что эта музыка играет и для него тоже, если он будет слушать и переставлять ноги». «Любите свою жизнь, – писал Торо, – в любой ее бедности».

«Уолден» можно принимать как противоядие от апатии и тревоги. Он поддерживает бодростью духа и увлекательной чувственностью. Времена, когда писалась книга, слыли непростыми. Торо был достаточно зрел, имея возможность дать больше себе и стране, озабоченной проблемами рабства и грядущей Гражданской войны. Хотя он не придавал большого значения промышленной революции, но чувствовал кризис доверия, когда даже самое лишенное догматов компромиссное унитарянство требовало слишком много веры. Изучение природы вело к натурализму и философскому материализму. В начале «Уолдена» цитируется «Дарвин, натуралист», видевший «обитателей Огненной Земли», ходивших «свободно обнаженными, в то время как европеец дрожал от холода в своей одежде». Такими были образцовые граждане писательской Утопии, «обходящиеся без всего». Написанная Уолтером Хардингом биография «Дни Генри Торо» (1965 г.) рассказывает нам, что слабый здоровьем мыслитель в 1860 году прочел «Происхождение видов» Дарвина и «написал об этой книге шесть страниц в одной из своих тетрадей... Ему очень понравилась эта книга». Но теологический фурор, произведенный этим исследованием, не интересовал его и не оказал влияния на собственное мышление. Он лишь однажды поделился в «Уолдене» «легким умопомрачением» от негостеприимной Природы, но во время слабого дождя это настроение быстро сменилось ощущением «бесконечного и необъяснимого дружелюбия, словно сама атмосфера поддерживала меня». В общем, «трудно впасть в черную меланхолию, если живешь на Природе и еще сохраняешь свои чувства».

Своими терпеливыми наблюдениями Торо напоминает Дарвина, а своей изобретательной практичностью – Бенджамина Франклина. В отличие от большинства трансценденталистов, он мог делать. Ухаживать за садом и заниматься ремонтом у Эмерсона, или воплотить в жизнь работой плотника причудливую фантазию Бронсона Олкотта о летнем доме. «Я владею

столькими ремеслами, сколько у меня пальцев на руках», – говорится в «Уолдене». Между 1849 и 1861 годами он совершил более двух сотен изысканий в Конкорде и его окрестностях. Торо также фигурирует в технологической истории карандаша Генри Петроски («Карандаш», 1990 г.) как изобретатель. Вскоре после окончания Гарварда он изобрел дробильную машину в семь футов высотой, захватывающую самые легкие частицы графита, поднявшиеся в воздух выше всех. Какое-то время карандаши Торо считались лучшими в Америке, поскольку содержали наименьшее количество песка. Мы еще больше верим рассказчику «Уолдена» и его духовным устремлениям благодаря повторяющимся примерам его практических умений. Призыв к бесплотности начинается с ловкого приема насаживания топора на рукоятку: «Однажды, при срезке ствола орешника, топор соскочил. Я сделал клин, забил его камнем, и положил насаженный на эту рукоятку топор в пруд, чтобы дерево разбухло. В нем у самого дна притаилась ямчатоглазая змея. И она без всякого видимого неудобства лежала там все то время, более четверти часа – возможно, потому, что еще не совсем очнулась от спячки. Мне подумалось, что и люди остаются в своем жалком и примитивном положении примерно по той же причине. Но если они почувствуют силу Весны, пробуждающей их, то непременно поднимутся к более высокой и одухотворенной жизни». Выживая в лесу, он познал физические процессы. Например, разбухание намокшей древесины, поглощение опавшими листьями солнечного тепла: «стихии помогали мне протоптать тропу в лесу через самый глубокий снег, ибо, когда я однажды прошел, ветер сдул дубовые листья на мои следы. Они улеглись там и, поглощая солнечные лучи, растопили снег, чем не только осушили тропу для ног, но и указывали по вечерам путь темным пунктиром».

Пруд, покрытый зимним льдом, склоняет Торо к особо внимательному наблюдению. Как тщательному изучению весеннего таяния снегов, так и побуждению тщательно рассмотреть зимнее замерзание пузырьков воздуха – «узких, продолговатых, перпендикулярных льду, около полудюйма в длину, острых конусов, направленных остриями вверх». Во время оттепели они расширялись и сливались, «часто напоминали серебряные монеты, высыпанные из мешка, лежащие друг на друге». В конце фразы он поднимает свое почти ничтожное исследование «бесконечного числа крошечных пузырьков» до звучного вывода: «Они – словно маленькие духовые ружья, стреляющие в лед, чтобы он трескался и ухал». А потом быстро переходит на другую тему – тайну микроорганизмов, когда спрашивает: «Почему вода в ведре быстро тухнет, а замороженная всегда остается свежей?» Как бы то ни было, этот вопрос растворяется в сухой шутке: «Поговаривают, что в том и есть отличие между страстями и разумом».

Как строительство железных дорог открывает новую геологию, так и рубка льда для хозяйственных нужд зимой 1846–1847 годов дает Торо новые возможности для изучения. Он замечает различия в его оттенках так же точно, как его современник, художник-пейзажист Фредерик Эдвин Черч, переносивший на холст айсберги. В начале 1846 года Торо осознал, какие возможности дает замерзший Уолденский пруд для проведения значимых исследовательских работ. «При помощи компаса, цепи и эхолота», пробивая дыры по прямым линиям в разных направлениях, он зондирует глубину, представляя читателю нарисованную карту пруда в масштабе «40 родов на дюйм», а также схему дна. Долгое время ходили слухи, что пруд бездонен: «Удивительно, сколько еще люди будут верить в бездонность пруда, не удосужившись измерить его глубину». Землемер с гордостью объявляет: «Но могу заверить своих читателей, что у Уолдена достаточно твердое дно, а глубина хоть и необычно велика, но совсем не паразитерна». Пруды мельче, чем мы себе представляем: «Большинство прудов, если их опустошить, станут лугами, не глубже тех, что мы часто видим». Большинство загадок в точности так же являются плодами отсутствия попыток терпеливого научного изучения. Те, кто впервые читают «Уолден», могут быть удивлены тем, насколько большая часть его энергии посвящена эмпирическому исследованию и выявлению. Романтичный служитель природы носит изысканные очки, более подобающие Франклину и философам. Цель Торо – примирить нас, после

веков смутного человеческого эгоизма, с Природой как она есть, безжалостной и беспощадной. Необходимо, чтобы нас призывали из коллективных удобств и иллюзий деревенской жизни.

«Нам нужен стимул дикой природы... Природы никогда не будет достаточно. Нас должна наполнять силами демонстрация ее неистощимой силы, могущества и титанических возможностей... Нам надо быть свидетелями того, что есть что-то, выходящее за границы обыденности. Что какая-то жизнь свободно пасется там, куда мы никогда не зайдем. Нас веселит, когда мы наблюдаем стервятника, питающегося падалью. Она вызывает у нас отвращение и уныние, он же получает от такой пищи здоровье и силы».

Торо рассказывает, что на тропе к его домику лежала дохлая лошадь, чей запах его отталкивал, но приободрял тем, что «она придавала уверенности в хорошем аппетите и несокрушимости бытия». Видение «Природы с окровавленными клыками и когтями», вызывавшей сожаление у Теннисона и других христиан Викторианской эпохи, лишь воодушевляло отшельника: «Мне нравилось видеть, что Природа настолько изобилует жизнью, что может позволить себе пожертвовать несметным числом существ, охотящихся друг на друга. Ее нежные создания могут так невозмутимо стираться с лица земли, словно их и не было никогда, – например, головастики, которых глотают цапли, или черепахи и жабы, раздавленные на дорогах. Иногда она проливает целые дожди из плоти и крови. При таком обилии случайностей не стоит придавать им значения. Мудрец может подумать, что Вселенная непорочна. Ведь яд не ядовит, и ни одна рана не смертельна. Но сочувствия весьма шатки...»

Он, некоторым образом, провозглашает смертную основу нашего органического существования и при этом требует не только принять мироздание, как предлагает другой представитель трансценденталистов, Маргарет Фуллер, но и ликовать в нем.

Собственную смерть (от туберкулеза, в возрасте сорока четырех лет) Торо встретил с безмятежностью, восхитившей большинство жителей Конкорда. Известны его слова тем, кто пытался подготовить умирающего к переходу в иное состояние: «Мир един в моменте». Он не совсем отрицал бессмертие души. Некоторые его фразы допускают такую возможность, и рядом с приведенными выше фразами писатель вспоминает, как «дикая речная долина и леса купались в таком чистом и ярком свете, что пробудил бы и мертвых». И делает вывод: «Не может быть более убедительного доказательства бессмертия. В таком свете все должно жить». Хотя его значение не совсем ясно, можно считать это всплеском животного оптимизма после длиннейшего, реалистичного восторжения природой, как химической, молекулярной и математической конструкцией. Природа удержана в крепких руках науки и лишена антропоморфизма даже в замысловатой форме, выраженной неоплатонизмом Эмерсона.

Больше никакого идеализма, никаких платонических форм, никаких блестящих архетипов, существующих независимо от отдельных вещей. «Нет идей вне вещей», – скажет в следующем веке Уильям Карлос Уильямс, подарив девиз модернизму. Поэзия Уильямса, Элиота и Паунда показывала, что вещи, пусть даже собранные фрагментарно и образно, без выписанных эмоциональных и логических связей, придают живость языку и непосредственность связке писателя с читателем. Нас до сих пор восхищает именно «вещизм» прозы Торо, неумная энергия, с которой он перескакивает от детали к детали, от образа к образу, в то же время влача некоторую часть метафизического бремени трансцендентализма. Без этого бремени, которое заметно легче в посмертно изданных работах «Леса Мэна» и «Кейп-Код», он удерживается в шаге от звания внимательного и красноречивого автора травелогов. Однако хаотическая, окутанная туманами вершина горы Ктаадн – «сырье планеты, сброшенное из невидимой каменоломни» – и обломки судов, и перекрученные ветром яблони Кейп-Кода позволяют нам почувствовать метафизический трепет человека, столкнувшегося в лице безжалостной природы с образом чего-то гнетущего внутри самого себя и очищающего одновременно.

Последние годы жизни Торо, когда взгляды аболиционистов и рабовладельцев дошли до настойчивых предзнаменований кровавой войны, были отмечены (и даже заслужили печальную славу) его пылкой поддержкой налетчика Джона Брауна, с которым он коротко встретился в Конкорде и нашел его «весьма здравомыслящим человеком, вдумчивым и практичным», обладающим «тактом и благоразумием», а также спартанскими привычками, к тому же питающимся скудно, как солдат. Миротлюбивый Торо превозносит этого мрачного убийцу по практической причине: Браун предпринимает действия, жестокие действия против санкционированного насилия рабовладельческого государства:

«Это был его личный принцип, что у человека есть признанное право применить насилие к рабовладельцу с целью спасти раба. Я согласен с ним... Я не хочу ни убивать, ни быть убитым, но предвижу обстоятельства, при которых оба этих события стали бы неизбежными. Мы сохраняем так называемый мир в нашем обществе, ежедневно совершая мелкое насилие».

Взгляды Торо роднят его с революционерами 1960-х. За установленным порядком он видел насилие, за частной собственностью – порабощение, а за газетными «новостями» – сейчас это шире распространено, чем сорок лет назад – личное мнение. «Обман и иллюзии принимаются за чистейшую правду, в то время как действительность кажется вымышленной». Слово «реальность» многократно повторяется в «Уолдене»: «Возьмемся за себя, начнем работать и протиснем ноги через грязь и тину мнений, предубеждений, традиций, иллюзий и видимости... пока не доберемся до твердого дна и лежащих на своем месте камней, которые сможем назвать реальностью... Мы жаждем только реальности, будь то жизнь или смерть. Если мы действительно умираем, пусть услышится хрип в наших глотках и почувствуется холод в конечностях. Но если живы, займемся своим делом».

Темному безбрежью безразличия материальной Природы мы можем противопоставить только краткий свет своей осознанности, подобно лампе в хижине. Пробуждающее благословение «Уолдена» заставит нас почувствовать, что это честная борьба на равных. Соединенные Штаты 1850 года, с населением двадцать три миллиона человек, были достаточно маленькой страной, чтобы воспринимать их единым целым. Хотя Торо и был знаменит своей одиночной жизнью в лесу, словно Мелвилл – «человек среди каннибалов», он слыл общительным. Когда писатель в 1856 году навещал своих друзей, семью Лумис из Кембриджа, ему вручили новорожденную Мейбл Лумис, и в этот неловкий момент он держал ее головой вниз.

Потом она прославилась как первый редактор поэзии Эмили Дикинсон, а в двадцатом веке – как главный пример сексуально удовлетворенной и свободной викторианской женщины в социально-историческом романе Питера Гэя «Нежная страсть». В 1852 году Торо, будучи уже знакомым с большинством писателей Новой Англии, посетил комнату Уолта Уитмена в Бруклине, где тот жил в неряшливой обстановке со своим слабоумным братом. Хотя у них были разные мнения относительно обывателя – Уитмен позже определил янки как обладающих «чрезмерно обостренным чувством высокомерия», а Торо заявил о стихах некоторых нью-йоркских поэтов как о «мягко говоря, нехороших, просто чувственных... словно это слова животных» – оба произвели друг на друга приятное впечатление. «Он замечательный человек», – написал Торо об Уитмене в письме, а о сборнике его стихов – «В целом они кажутся мне очень смелыми и американскими, за некоторым исключением. Я не верю, что все произнесенные проповеди, даже вместе взятые, сравнимы по силе наставлений».

Со временем «Листья травы» и «Уолден» стали двумя великими свидетельствами американского индивидуализма, заверяя Новый Свет, которому всегда не хватало уверений в ценности, силе и красоте свободной личности.

Джон Андаик

Май, 2003 г.

Хозяйство

Эти страницы – точнее, большая их часть – написаны в лесу, в миле от любой живой души, в доме, построенном мною на берегу Уолденского пруда, в городке Конкорд, штат Массачусетс. Пропитание добывалось исключительно собственным трудом. Так я прожил два года и два месяца. А теперь снова вернулся на время к цивилизованной жизни.

Я не стал бы посвящать читателей во все подробности моей жизни, если бы не настойчивые расспросы земляков, интересующихся моим бытием. Кто-то считал бы их неуместными, но мне они таковыми не кажутся. А учитывая обстоятельства, они более чем естественны и уместны. Некоторые спрашивали, чем я питался, не страдал ли от одиночества, не боялся ли и тому подобное. Других интересовало, сколько жертвовалось на благотворительность. А многодетные любопытствовали, скольких бедных детишек я содержал. Так что прошу прощения у тех читателей, кому безразлична моя персона, если попытаюсь ответить на подобные вопросы в книге. В большинстве их повествование не ведется от первого лица, и местоимение «я» опускается, но здесь оно сохранится. И это будет главным отличием от прочих писателей, если говорить о собственном эго. Мы склонны забывать, что рассказ обычно ведется от первого лица. Я не говорил бы о себе так много, если б знал кого-то, как себя самого. К сожалению, недостаток опыта вынуждает ограничиться самоописанием. Со своей стороны, я жду от каждого автора простого и честного рассказа о собственной жизни, а не сплетен о других. Пусть пишет, словно родным из дальних краев, ведь если эти истории реальны, то непременно произошли за тридевять земель.

Пожалуй, эти страницы адресованы в основном бедным студентам. Остальные читатели могут удовлетвориться тем, что им близко. Никто, надевая пальто, не старается порвать его по швам, ведь оно может кому-то подойти по размеру.

Я должен кое-что сказать. Это касается не столько китайцев или обитателей Сандвичевых островов, сколько вас, читающих эти страницы, – то есть жителей Новой Англии. Кое-что об условиях вашей жизни – в особенности внешних условиях или обстоятельствах – в этом городе, как и любом другом. Неизбежна ли их сегодняшняя убогость, можно ли их улучшить или нет. Я немало ходил по Конкорду, и везде – в лавках, в конторах, в полях – мне казалось, что местные жители накладывают на себя епитимью тысячами разных способов. Я слышал об индийских браминах, восседающих меж четырех костров и смотрящих прямо на солнце. А иногда висящих вниз головой над пламенем или смотрящих в небеса через плечо, «пока не утрачивается возможность вновь принять естественное положение, а через искривленную шею в желудок не лезет ничего, кроме жидкостей». Я слышал о пожизненно самоприкованных цепью у подножия дерева, или измеряющих своими телами, подобно гусеницам, просторы обширных империй, или стоящих на одной ноге на вершине столба. Но даже эти формы сознательного самобичевания вряд ли более невероятны, чем сцены, наблюдаемые мной ежедневно. Двенадцать подвигов Геракла пустячны по сравнению с теми, что совершали мои соседи. Ведь их всего двенадцать, и каждый был конечен. Но эти люди из Конкорда никак не прогонят и не захватят в плен чудовище, и не закончат тяжкий труд. У них не было сподвижника Июлая, прижигающего раскаленным железом шею, с которой только что слетела голова гидры, чтобы на этом месте не выросло две новых.

Я вижу юношей, живущих в моем городе и имеющих несчастье унаследовать фермы, дома, амбары, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Все это легче получить, чем потом избавиться. Им было бы лучше родиться в чистом поле и вскормиться волчицей – тогда яснее представляешь, какая пашня ждет твой плуг. Кто сделал их рабами земли? Почему они должны батрачить на своих шестидесяти акрах, когда человек обречен за жизнь съесть лишь пригоршню грязи? Почему, едва появившись на свет, они роют себе могилы? Им приходится жить

навыученными всем скарбом, как бы ни было это тяжело. Я встречал множество бессмертных душ, почти раздавленных и удушенных своим тяжким бременем. Ползущих по дороге жизни, волоча амбар размером семьдесят пять на сорок футов, свои Авгиевы конюшни, которые никогда не будут вычищены, и в придачу сотню акров земли – пашню, покос, пастбище и лесную делянку! Те же, кто не вписан в завещание, лишены ненужной обузы и обслуживают всего нескольких кубических футов собственной плоти, находя это вполне достаточным.

Но люди жестоко заблуждаются. Душа человеческая обречена лечь в землю и превратиться в компост. Воображаемая судьба, обычно называемая необходимостью, заставляет, согласно одной старой книге, копить сокровища, какие обязательно попортят моль и ржавчина, или украдет вор. Жизнь сия глупа, и они поймут это в конце ее, а то и раньше. Говорят, что Девкалион и его жена Пирра создали эллинов, бросая за спину камни:

*Inde genus durum sumus, experiensque laborum,
Et documenta damus qua simus origine nati*¹.

Или, как написал поэт Рэли в своей звучной манере:

*С тех пор наш род жестокосердный,
терпящий боль и заботы,
Доказывает, что плоть – из камня.*

Не стоит слепо повиноваться глупому оракулу, бросающему за спину камни не глядя.

Большинство людей невежественны, даже в нашей сравнительно свободной стране. Они настолько заняты надуманными делами и чрезмерно тяжким трудом, что не успевают попользоваться лучшими дарами жизни. Непосильная работа скрючила их пальцы и вогнала в дрожь. Получается, что трудяга не способен раскрыть полноту своей природы. Он не может вести себя искренне с людьми, иначе его труд упадет в цене. У него нет времени на то, чтобы не быть просто машиной. Как он может помнить о своем невежестве (а это крайне необходимо для развития), если все время практикуется? Мы должны время от времени бесплатно кормить и одевать его, принимать от всего сердца, прежде чем судить о нем. Лучшие свойства нашей природы, подобно румяным яблокам, могут сохраняться только при бережном обращении. Но мы не относимся трепетно ни к себе, ни к другим.

Как известно, некоторые из нас бедны. Им трудно жить, иногда, фигурально выражаясь, еле переводя дух. Иногда читающие эту книгу не способны заплатить за обед или сменить изношенную одежду. Тратят на чтение взятое взаймы или украденное время, чтоб хотя бы на часок позабыть о своих кредиторах. Совершенно очевидно, какой жалкой и нелепой жизнью они живут – знакомо по опыту. Вы всегда на пределе, пытаетесь стать бизнесменом и избавиться от долгов, которые издревле были пучиной, называемой римлянами *aes alienum*, «чужая медь», по металлу их монет. Живете и умираете, вас хоронят на эту чужую медь. Всегда обещаете заплатить, обещаете заплатить завтра, но умираете сегодня, по уши в долгах. Ищете, как выслужиться, как втереться в доверие любым способом, лишь бы не противозаконным, чтобы не попасть в каталажку. Обманываете, льстите, голосуете, покрываетесь скорлупой вежливости или напускаете вид тонкого и туманного великодушия, лишь бы убедить соседа заказать у вас обувь, шляпу, верхнюю одежду, бакалею или экипаж. Наживаете болячки, чтобы отложить запас на случай болезни, спрятать его в старом комодe, в потаенной щели или, для сохранности, в кирпичном здании банка. Не важно куда, не важно, много или мало.

¹ Следовательно, мы – выносливый народ, испытываем лишения и доказываем свое происхождение, от которого мы произошли на свет.

Удивительно, насколько мы бываем легкомысленными, придавая столько внимания чуждой нам форме порабощения, называемой «рабством негров». При том, что и север, и юг заполнены множеством видов жестокого рабства. Тяжело иметь южного надсмотрщика, а северного – еще тяжелее. Но хуже, если ты сам себе надсмотрщик. И еще рассуждают о божественной природе человека! Посмотрите на возницу, что тащится по дороге на рынок днем и ночью. Разве в нем есть что-то божественное?

**ЭТИ СТРАНИЦЫ – ТОЧНЕЕ, БОЛЬШАЯ ИХ ЧАСТЬ – НАПИСАНЫ
В ЛЕСУ, В МИЛЕ ОТ ЛЮБОЙ ЖИВОЙ ДУШИ, В ДОМЕ,
ПОСТРОЕННОМ МНОЮ НА БЕРЕГУ УОЛДЕНСКОГО
ПРУДА, В ГОРОДКЕ КОНКОРД, ШТАТ МАССАЧУСЕТС.**

**ПРОПИТАНИЕ ДОБЫВАЛОСЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СОБСТВЕННЫМ
ТРУДОМ. ТАК Я ПРОЖИЛ ДВА ГОДА И ДВА МЕСЯЦА.**

**А ТЕПЕРЬ СНОВА ВЕРНУЛСЯ НА
ВРЕМЯ К ЦИВИЛИЗОВАННОЙ ЖИЗНИ.**

Его высшее предназначение – кормить и поить своих кляч! Что для него собственная судьба в сравнении с торговыми интересами? Стремится ли к тому, чтобы стать сквайром, вызывающим ажитации? Насколько подобен богу, насколько бессмертен? Посмотрите, как трепещет и подхалимничает, как неосознанно и вечно чего-то боится, не будучи ни бессмертным, ни божественным, но рабом и узником собственного мнения о себе, славы, заслуженной собственными деяниями. Общественное мнение – вовсе не тиран по сравнению с нашим самомнением. Именно то, что человек думает о себе, определяет или даже предопределяет его судьбу.

Найдется ли аболиционист Уилберфорс, помогающий самоосвобождению даже на Карибских островах фантазии и вест-индского воображения? А наши дамы до смертного дня вышивают подушечки и не подают ни малейших признаков интереса к своей судьбе. Словно убивают время, не поранив вечность.

Множество людей живет безнадежно. То, что зовется смирением, на поверку лишь вынужденное отчаяние. Из отчаявшегося города вы уезжаете в отчаявшуюся деревню, где утешаетесь бесстрашием норок и ондатр. Устоявшаяся, но неосознанная отчаянность выражена даже человеческими играми и развлечениями. В них нет радости, ведь они случаются только после работы. Но мудрость не допускает отчаянных поступков.

Когда мы размышляем над тем, что катехизис определяет главной целью человека и его истинными потребностями, кажется, что люди умышленно выбрали обычный образ жизни, потому что предпочли его любому другому. На самом деле они искренне убеждены, что выбора нет. Но смелые и здоровые натуры помнят восход солнца на чистом небе. От предубеждений никогда не поздно отказаться. Ни одному образу мыслей или образу действий, даже самому древнему, нельзя доверять безоголочно. То, что сегодня твердится или принимается за истину, завтра окажется ложью, легким дымком мнений, уверенно принятым за тучу, которую пролить благодатный дождь на поля. Старики уверяют, что вы не сможете исполнить задуманное, а вы пробуете – и оказывается, что можете. Потому старые дела – для стариков, новые – для молодых. Предки когда-то не обладали знаниями, чтобы добыть топливо для костра, а потомки кладут сухие дрова под котел и мчатся вокруг земного шара со скоростью птиц, что убило бы предков. В качестве наставника старость не лучше, а хуже юности, ведь она утратила намного

больше, чем приобрела. Не уверен даже в том, что мудрейший человек, прожив свою жизнь, понял хоть что-то о ее безусловной ценности. У стариков нет ни одного важного совета молодым, ведь их собственный опыт чрезвычайно ограничен, а их жизни стали полным провалом – как они уверены, по уважительным причинам. Возможно, у них сохранились остатки веры, противоречащей этому опыту, а они просто не так молоды, как были. Я прожил на этой планете около тридцати лет и до сих пор не услышал от старших мало-мальски ценных или хотя бы искренних советов. Они не сказали и уже не скажут ничего по существу. Моя жизнь – огромный опыт, еще не испытанный, но проку в том, что они его уже испытали, нет. Если у меня и есть опыт, который я считаю ценным, мои наставники точно ничего об этом не говорили.

Один фермер разглагольствует: «Нельзя жить только на растительной пище, потому что она не дает питания костям». И он добросовестно посвящает часть дня снабжению своего организма строительным материалом для костей. Меж тем, пока говорит, идет за быками, чьи кости взрощены на травянистой пище, и они тащат его вместе с тяжелым плугом через все препятствия. Некоторые вещи на самом деле необходимы только в определенных кругах, самых беспомощных и ущербных, в то время как в других они – предметы роскоши, а в прочих и вовсе неизвестны.

Кому-то кажется, что вся человеческая жизнь изучена предками, – и высоты, и низины, – и они обо всем позаботились. По словам Ивлины, «мудрый Соломон указывал даже нужные расстояния между деревьями, а римские преторы решали, как часто вы можете заходить на землю соседа для сбора желудей, упавших на нее, чтобы это не считалось нарушением права владения, и какая доля ему принадлежит». Гиппократ оставил указания, как мы должны стричь ногти: вровень с кончиками пальцев, не короче и не длиннее. Несомненно, сами скука и уныние, истощающие разнообразие и радости жизни, восходят к Адамовым временам. Но человеческие способности не измерены, и невозможно судить человека по делам его предков – так мало всего было испробовано. Какими бы ни были до сего времени твои неудачи, «не огорчайся, дитя мое, ибо кто может установить, что ты не сделал?».

Мы можем исследовать наши жизни тысячами простых испытаний. Представить, к примеру, что солнце, дарующее урожаю бобов зрелость, одновременно освещает целую планетарную систему. Если бы я помнил об этом, то избежал бы некоторых ошибок. Это не просто свет, при котором я работаю мотыгой. Ведь звезды – вершины чудесных треугольников! Представьте, сколько далеких живых существ в разных уголках Вселенной одновременно размышляют об одном. Природа и человеческая жизнь столь же многообразны, как устройство наших тел. Кто может описать возможности другого человека? И может ли быть большее чудо, чем на мгновение взглянуть на жизнь по-иному? Мы могли бы за один час побывать во всех эпохах мира и во всех мирах эпох. Нет опыта столь увлекательного и познавательного, включая историю, поэзию и мифологию.

Большую часть из того, что мои соседи называют хорошим, я в глубине души считаю плохим, и если я в чем-то раскаиваюсь, то, скорее, в своем хорошем поведении. Какой дьявол внушил мне благонравие? Вы, старик семидесяти лет небесславной жизни, можете высказать мне глубочайшую мудрость, но я слышу настойчивый внутренний голос, и он требует держаться подальше от ваших советов.

Одно поколение отказывается от затей предыдущего, как от севших на мель кораблей.

Думаю, мы можем намного больше доверяться жизни. Отказаться от части заботы о себе и искренне даровать ее другим. Природа приспособлена к нашей слабости, как и к силе. Беспрепятственная тревога и напряжение у некоторых превратились в форму болезни, почти неизлечимую. В наших привычках преувеличивать важность своей работы. «И сколько же еще не сделано! А что, если захвораешь?» – вот насколько мы насторожены. Решив не жить верой, если можно ее избежать, весь день проводим в тревоге, а вечером нехотя читаем молитвы и обрекаем себя на неопределенность.

Мы настолько полностью и бесхитростно подчинены жизни, что почитаем ее и отрицаем возможность изменений. Утверждаем, что это единственный путь. Но ведь путей столь много, сколько радиусов, идущих из центра окружности. Любое изменение есть чудо, требующее размышлений, но именно чудеса происходят каждый момент. Конфуций сказал: «Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем. И не знаем того, чего не знаем». Предположу, что, если хоть один человек уразумеет доступное лишь воображению, остальные построят на этом свои жизни.

Давайте на минуту задумаемся о том, с чем связана большая часть упомянутых тревог и забот и насколько необходимо тревожиться или заботиться. Есть некоторые преимущества в простой сельской жизни, даже посреди внешней цивилизации. Хотя бы для понимания, что на самом деле необходимо и как можно это получить. Полезно просмотреть старые торговые книги и узнать, что люди обычно покупали в лавках, что запасали. То есть выяснить самые необходимые продукты. Ведь все современные усовершенствования почти не влияют на основные законы существования и наши скелеты наверняка не отличаются от скелетов наших предков.

Между тем под «предметами первой необходимости» я подразумеваю добываемые человеком с самого начала или ставшие после долгого использования настолько нужными, что лишь немногие (да почти и никто) пытаются обойтись без них, будь то из-за невежества, бедности или согласно мировоззрению.

В этом смысле существует только один предмет первой необходимости – Пища. Для бизона в прерии – несколько дюймов вкусной травы и вода, чтобы напиться, если только он не ищет Кров в лесу или в тени горы. Ни одному из животных не требуется большего, чем Пища и Кров. Предметы первой необходимости для человека в нашем климате можно довольно точно распределить на несколько групп: Пища, Кров, Одежда и Топливо; ведь без этого мы не готовы свободно и успешно решать истинные проблемы. Человек изобрел не только дома, но и одежду, и приготовленную пищу. Благодаря случайно обнаруженному теплу огня и его использованию, бывший поначалу роскошью, обогрев постепенно перерос в насущную необходимость. Мы видим, как коты и собаки приобретают ту же вторую натуру. Благодаря должным Крову и Одежде мы по праву сохраняем собственное внутреннее тепло. Но при избытке Топлива, когда внешнее тепло превышает наше внутреннее, возможно приготовление пищи. Натуралист Дарвин рассказывает об обитателях Огненной Земли: в то время, когда его партия, состоящая из хорошо одетых людей, жалась к огню, дрожа от холода, обнаженные дикари, сидевшие поодаль от огня, к его величайшему удивлению, «обливались потом, словно поджариваясь». Как нам рассказывают, обитатель Новой Голландии свободно ходит обнаженным, когда европеец дрожит от холода в своей одежде. Нельзя ли сочетать закаленность дикарей с умом цивилизованного человека? По мнению ученого Либиха, человеческое тело – печь, а пища – топливо, поддерживающее внутреннее горение в легких. В холодную погоду мы едим больше, в теплую – меньше. Жизненное тепло есть результат медленного горения, а болезнь или смерть наступают, когда пламя слишком быстрое, или гаснет из-за нехватки топлива, или из-за какого-то дефекта тяги. Конечно, жизненное тепло нельзя путать с пламенем, но аналогия верна. Из вышеизложенного следует, что выражение «животная жизнь» почти синонимично выражению «жизненное тепло». Ведь Пищу можно считать топливом, поддерживающим огонь внутри нас, а Топливо тратится лишь на приготовление этой Пищи или увеличение тепла наших тел извне. Кров и Одежда также служат сохранению тепла, создаваемого и поглощаемого.

Итак, главнейшая потребность наших тел – сохранять тепло, жизненное тепло внутри. Не зря мы суетимся вокруг Пищи, Одежды и Крова, а также постелей – нашей ночной одежды. Разоряем птичьи гнезда и выщипываем пух с грудок птиц, чтобы приготовить этот кров внутри крова – как крот, чья постель из травы и листвы находится в самой глубине норы! Бедняк имеет обыкновение жаловаться на холодный мир; и именно холодом, не только социальным, но

и физическим, объясняется большая часть наших страданий. В некоторых широтах лето дает человеку возможность райской жизни. Топливо, за исключением нужного для приготовления Пищи, в это время не нужно. Солнце греет всю, и многим плодам, для того чтобы стать пригодными в пищу, достаточно его лучей. Пища там в целом более разнообразна и ее легче добыть, а Одежда и Кров нужны меньше или не нужны вовсе.

В наши дни и в нашей стране, как я могу судить по опыту, в предметы первой необходимости входят некоторые орудия: нож, топор, лопата, тачка и тому подобное, а для занимающихся наукой – лампа, канцелярские принадлежности и несколько книг, но их можно приобрести почти за бесценок. Хотя некоторые, поступая неразумно, отправляются на другую сторону земного шара, в варварские и пагубные для здоровья регионы, и на десять – двадцать лет посвящают себя торговле с тем, чтобы просто жить – другими словами, сохранять в себе комфортное тепло – и умереть в Новой Англии. Обладающие несметным богатством поддерживают не просто комфортное тепло, а противоестественный жар. Как я изложил выше, они, несомненно, приготовлены *à la mode*.

Большинство предметов роскоши и многие из так называемых жизненных удобств не только не нужны, но и, несомненно, мешают развитию человечества. Касательно роскоши и комфорта, мудрейшие всегда жили более простой и скромной жизнью, чем бедняки. Древние китайские, индуистские, персидские и греческие философы были классом, беднее которого нет, если говорить о внешнем богатстве, но богаче которого быть невозможно, если говорить о внутреннем. Мы знаем о них не так много. Примечательно то, что мы знаем о них хотя бы то, что знаем. Это же касается более современных реформаторов и меценатов. Никто не может быть беспристрастным или мудрым наблюдателем человеческой жизни, если только не находится на той возвышенности, которую нам следует называть добровольной бедностью. Плоды роскошной жизни столь же роскошны, будь то в сельском хозяйстве, торговле, литературе или искусстве. Теперь есть профессора философии, но нет философов, хотя преподавать похвально, лишь если ты похвально жил. Быть философом – это не просто иметь острый ум и даже не основать школу, а так любить мудрость, чтобы жить в соответствии с ее предписаниями. Жить просто, независимо, великодушно, уверенно. Это значит решать жизненные проблемы не только теоретически, но и на практике. Успех великих ученых и мыслителей зачастую схож с царедворческим – он не королевский, но и не человеческий. Гении преодолевают трудности, чтобы жить традиционно, как их отцы, и никоим образом не зачинают более благородную породу. Но почему люди вырождаются? Что заставляет род угасать? Какова природа роскоши, ослабляющей и разрушающей народы? Уверены ли мы, что ее совершенно нет в наших собственных жизнях? Философ опережает свое время, даже если говорить о внешней стороне его жизни. Он не сыт, не укрыт, не одет, не согрет, в отличие от своих современников. Как человек может быть философом и не поддерживать свое жизненное тепло наилучшим образом?

ОДНО ПОКОЛЕНИЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ЗАТЕЙ ПРЕДЫДУЩЕГО, КАК ОТ СЕВШИХ НА МЕЛЬ КОРАБЛЕЙ.

Когда человек согрелся несколькими упомянутыми способами, что он хочет после? Конечно, не больше того же тепла – не более обильной и сытной пищи, не большего и более красивого дома, не лучшей и более роскошной одежды, не больше неугасимого и более жаркого огня и тому подобного. Когда он получил необходимое для жизни, есть альтернатива получаемым излишествами. Это – заняться, наконец, жизнью – теперь, когда он освободился от смиренного тяжкого труда. Когда почва готова для семени, оно дает корешок, а потом безбоязненно выпускает ростки. Зачем человек так глубоко укореняется в земле, если не настолько же вырасти в небеса? Ведь благородные растения ценны плодами, растущими среди воздуха и

света, далеко от земли. К ним не относятся как к более простым и пригодным в пищу, которые хотя и могут быть двухлетними, выращиваются только до тех пор, пока образуют плодоносные корни. Для этого их верхки часто срезают, так что многие и не догадываются, что они цветут.

У меня нет намерения устанавливать правила для сильных и мужественных натур, думающих о своих делах, будь то на небесах или в аду. Возможно, они строят роскошнее и тратят щедрее богачей, без малейшей угрозы разориться и не осознавая, как жить. Если, конечно, они на самом деле таковы, как им представляется. Не буду поучать и тех, кто находит ободрение и вдохновение именно в существующем порядке вещей и пестует его с нежностью и воодушевлением влюбленных. – Я и себя отношу, в некоторой степени, к их числу. Не поучаю и тех, кто имеет хорошую работу, при любых условиях, и кто знает, хорошую работу они имеют или нет. Я обращаюсь в основном ко множеству неудовлетворенных людей. Тем, кто бездейственно жалуется на тяжелую жизнь большую часть времени, вместо того чтобы улучшить ее. Есть те, кто жалуется сильнее и безутешнее, потому что они, по их словам, выполняют свои обязанности. Я также думаю о том, что внешне состоятельный, но самый ужасающе нищий класс из всех – накопивший хлам, но не знающий, как его использовать или избавиться, и таким образом сковавший себе золотые или серебряные вериги.

Если попытаться рассказать, как я желал провести прошедшие годы, это наверняка удивило бы читателей, так или иначе знакомых с моей невыдуманной историей. И это точно поразило бы тех, кто ничего о ней не знает. Упомяну только некоторые из идей, которые лелеял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.